

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

УДК 390.4+323.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-92-107

EDN: GPWТХУ

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АБХАЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ МАХАДЖИРСТВА К ГЛОБАЛЬНОЙ ДИАСПОРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Тамара Гурамовна Айба

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, tamar.ayba@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8795-4701>

Аннотация: В представленной работе осуществлен комплексный этнологический анализ миграционных процессов в абхазском обществе, интерпретируемых в парадигме культурной травмы. С XIX по XXI вв. данные процессы выступали одним из факторов фундаментальной трансформации социальной структуры и коллективной идентичности абхазов. Исследование сфокусировано на генезисе миграции, детерминированной политикой Российской империи на Кавказе и послужившей одним из факторов формирования в последующем глобальной диаспоральной сети. Анализируются современные драйверы миграционных потоков, включая последствия военно-политических конфликтов XX в., а также их социально-демографические последствия для исторической родины, выразившиеся в радикальной трансформации этнодемографического ландшафта Абхазии. Особое внимание уделяется стратегиям конструирования и поддержания этнической идентичности в условиях диаспоры, в частности институционализации культурных практик, роли этнических ассоциаций и использованию цифровых технологий для трансляции культурного наследия. Центральным для анализа является этический кодекс – *апсуара* как ключевой механизм резистентности ассимиляционным давлению и сохранения культурной аутентичности. Делается вывод о том, что абхазская диаспора эволюционировала в динамичный транснациональный социальный организм, пребывающий в состоянии постоянного диалога с исторической родиной и выступающий в качестве активного агента глокализации абхазской идентичности.

Ключевые слова: абхазское общество, миграционные процессы, махаджирство, диаспора, этническая идентичность, апсуара, культурная травма, социально-демографическая трансформация.

Для цитирования: Айба Т.Г. Миграционные процессы в абхазском обществе: от махаджирства к глобальной диаспоре первой четверти XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 92-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-92-107. EDN: GPWТХУ.

© Айба Т.Г., 2026

Original article

**MIGRATION PROCESSES IN ABKHAZIAN SOCIETY:
FROM MAHAJIRISM TO THE GLOBAL DIASPORA
IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY**

Tamara G. Ayba

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, tamar.ayba@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8795-4701>

Abstract: This paper presents a comprehensive ethnological analysis of migration processes in Abkhaz society, interpreted through the paradigm of cultural trauma. From the 19th to the 21st centuries, these processes have initiated a fundamental transformation of the social structure and collective identity of the Apsua. The study focuses on the genesis of migration, determined by the colonial policy of the Russian Empire in the Caucasus, which led to the formation of a global diaspora network. Contemporary drivers of migration flows are analyzed, including the consequences of military-political conflicts of the 20th century, as well as their socio-demographic consequences for the historical homeland, expressed in a radical transformation of the ethno-demographic landscape of Abkhazia. Particular attention is paid to strategies for constructing and maintaining ethnic identity in the diaspora, in particular, the institutionalization of cultural practices, the role of ethnic associations, and the use of digital technologies for the transmission of cultural heritage. Central to the analysis is the ethno-ethical code Apsuara as a key mechanism of resistance to assimilation pressures and the preservation of cultural authenticity. It is concluded that the Abkhaz diaspora has evolved into a dynamic transnational social organism, engaged in a constant dialogue with the historical homeland and acting as an active agent of glocalization of Abkhaz identity.

Keywords: Abkhaz society, migration processes, Muhajirism, diaspora, ethnic identity, Apsuara, cultural trauma, socio-demographic transformation.

For citation: Ayba T.G. Migration Processes in Abkhazian Society: From Mahajirism to the Global Diaspora in the First Quarter of the 21st Century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 92-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-92-107. EDN: GPWTTY.

© Ayba T.G., 2026

Введение

Миграционные процессы, определяющие судьбу абхазского народа на протяжении последних двух столетий, выходят далеко за рамки демографического явления. Формирование глобальной диаспоры, рассеянной, по экспертным оценкам Всемирного абхазо-абазинского конгресса (ВААК), более чем в 60 странах мира¹ и численно сопоставимой с населением исторической родины, представляет собой результат глубокой культурной травмы, инициированной махаджирством XIX в. Это событие-разрыв не только изменило демографический ландшафт Абхазии, но и задало долгосрочную динамику трансформации коллективной идентичности, социальных структур и пространственных практик. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности в изучении данного феномена. В существующей историографии преобладает либо анализ махаджирства как исторического события [Дзидзария 1982], либо описание отдельных диаспоральных анклавов, преимущественно в Турции. В современной историографии отсутствуют работы, которые бы, опираясь на сложившийся к настоящему времени теоретический аппарат социологии и антропологии, осуществила синтез, связав историческую травму, стратегии культурного

¹ Апсадгьыл-инфо / Абхазская диаспора // Электронный ресурс. режим доступа: <https://apsadgil.info/republic-of-abkhazia/diaspora/> (дата обращения – 16.11.2025.)

выживания на родине, процесс институционализации диаспоры и новые цифровые формы солидарности в единую аналитическую модель. Такой синтез важен не только в академическом, но и в практическом ключе для понимания современных вызовов, стоящих перед абхазским обществом, включая проблемы репатриации и сохранения языка.

Целью статьи является комплексный этнологический анализ миграционных процессов как сквозного фактора, определившего трансформацию абхазской идентичности с XIX в. до наших дней.

Для достижения цели сформулирована следующая задача: проследить историческую трансформацию абхазской идентичности как результат перманентного миграционного опыта, выявив механизмы перехода от травмы вынужденного исхода (махаджирства) к формированию глобальной, институционализированной и цифровым образом интегрированной диаспоры, способной к воспроизводству этнокультурного кода – *ансуара (абх.)* в условиях как демографической уязвимости на исторической родине, так и рассеяния в иноэтнических ландшафтах.

Методология исследования образует основана на стратегии триангуляции, сочетающая качественные и теоретико-интерпретативные подходы исторической этнологии, социологии и цифровой антропологии.

В качестве центральной объяснительной модели избрана концепция культурной травмы американского социолога Джеффри Александера. Концепция культурной травмы была сформулирована Дж. Александером и его соратниками в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Основным трудом, в котором были представлены основополагающие идеи данного подхода, стала коллективная монография «Cultural Trauma and Collective Identity», опубликованная в 2004 г. В данной работе Дж. Александер, совместно с Р. Айерманом, Б. Гизеном и Н. Смелзером, изложил основополагающие постулаты новой теоретической парадигмы [Alexander 2004].

Обращение к данному теоретическому аппарату продиктовано самой природой изучаемого феномена: миграционные процессы, определившие судьбу абхазского народа на протяжении последних двух столетий, не могут быть адекватно поняты в категориях демографической статистики или экономической миграции. Они требуют анализа тех глубинных смысловых структур, которые сформировались в результате опыта махаджирства XIX в. и воспроизводятся в коллективном сознании по сей день.

Дж. Александер рассматривает культурную травму как процесс символического конструирования, в ходе которого событию придается значение угрозы коллективной идентичности [Alexander 2004]. Для настоящего исследования это означает смещение фокуса с хронологии исхода на механизмы его осмысления и трансляции через поколения. Именно в этой парадигме махаджирство предстает не как факт прошлого, а как постоянно актуализируемый «разрыв», вокруг которого кристаллизуется абхазское самосознание.

Работы Н. Смелзера, акцентирующего роль общественной рефлексии в превращении разрушительных событий в травму [Smelser 2004], позволяют понять, как последующие волны миграции (после революций, войн, распада СССР)

наслаивались на исходную травму, каждый раз заново актуализируя память о махаджирстве.

Исследования П. Штомпки, посвященные трансформации коллективной памяти в посткоммунистических обществах [Sztompka 2004], помогают объяснить парадоксальную ситуацию советского периода: травма не исчезла в условиях внешней стабильности, но ушла в латентные формы, проявляясь в стратегиях «тихого сопротивления» – сохранении языка, родовых структур *абинара* (абх.) и этического кодекса *ансуара*.

Р. Айерман, рассматривающий культурную травму как форму культурной памяти, позволяющую группам выстраивать устойчивую идентичность перед лицом исторических унижений, дает ключ к пониманию феномена диаспоры [Euerman 2004]. Потомки махаджиров наследуют не только память о родине, но и само переживание утраты, что превращает «абхазскость» для многих из них в осознанный выбор.

Концепция Б. Гизена «травмы исполнителей» [Giesen 2004] так же применима к анализу махаджирства. В этой рамке махаджирство выступает не только как травма абхазского народа, но и как непроработанный элемент российской исторической памяти. Модель позволяет сместить фокус с фиксации факта вынужденного переселения на анализ механизмов коллективной памяти и формирования идентичности у потомков махаджиров и исполнителей.

Таким образом, опора на теорию культурной травмы позволяет осуществить заявленный во введении синтез: связать историческое событие, стратегии выживания на родине, институционализацию диаспоры и современные формы солидарности в единую аналитическую модель, адекватную сложности изучаемого феномена.

Дополнительную теоретическую основу составляют: теория диаспор и транснационализма К. Тололян, Н. Глик Шиллер, С. Вертовек [Tölölyan 1996; Levitt, Glick-Schiller 2004; Vertovec 2001], позволяющая рассматривать зарубежные сообщества как активные транснациональные сети, поддерживающие множественные социальные поля, а не как пассивные «осколки» нации.

Конструктивистский подход к этничности и нации Ф. Барта и Б. Андерсона необходим для анализа того, как границы «абхазскости» и образ исторической родины Апсны постоянно переопределяются в условиях рассеяния и взаимодействия с другими культурами [Barth 1998; Андерсон 2001].

Источниковую базу работы составляют четыре группы материалов. К первой относятся полевые материалы автора (ПМА): в период 2022–2024 гг. было проведено включенное наблюдение на мероприятиях абхазских культурных центров в Стамбуле и Сухуме. Вторую группу образуют документальные и статистические источники, включая данные российских и советских переписей населения, анализ которых позволил реконструировать долгосрочные демографические тренды. В третью группу входят: законодательные акты РА (Закон «О репатриации»¹ и публичные отчеты ВААК. В четвертую группу входят цифровые

¹ Конституционный закон Республики Абхазия «О репатриантах» (с изменениями от 8 ноября 2005 г. № 1167-с-XIV)

источники: осуществлен контент-анализ ключевых диаспоральных онлайн-платформ (AbkhazWorld¹, официальные ресурсы ВААК, крупные сообщества в Facebook и Instagram²) за период 2020–2024 гг. Таблица 1 составлена на основе сводных данных исследований В.М. Кабузана [Кабузан 2012] и архивных материалов ЦГА Абхазии, что позволяет реконструировать долгосрочные демографические тренды.

Махаджирство в XIX в.: генезис миграционной травмы

Феномен махаджирства, ставший символом этой эпохи, не был единовременным актом, а растянулся на десятилетия, принимая характер вынужденного исхода, где решения о переселении в пределы Османской империи были зачастую продиктованы не столько религиозным долгом (хотя исламский дискурс «хиджры» использовался), сколько стратегией физического выживания рода в условиях военного насилия и лишения земель. Массовый и вынужденный исход коренных жителей Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи, известный в истории под названием махаджирства (от араб. мухаджерет – переселение) [Дзидзария 1982]. Последующие волны миграции – после революций, войн, распада СССР и трагедии 1992-1993 годов – наслоились на эту исходную травму, воспроизводя паттерн вынужденного перемещения и углубляя диаспоральное сознание [Розанова 2013: 196].

*Таблица 1. Национальный состав населения Абхазии в XIX-XX вв.
(тыс. чел., %)³*

Народы	1800			1833			1864			1867			1897			1905			1939			1959			1989		
	Чис ло	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%	Чис ло	%		
Всего	75,0	77,3	100,0	93,0	100,0	73,1	100,0	106,2	100,0	134,5	100,0	311,9	100,0	404,7	100,0	525,1	100,0										
В том числе:																											
абхазы	60,0	55,0	71,2	66,0	71,0	46,1	63,1	58,7	55,3	72,9	54,2	56,2	18,0	61,2	15,1	93,3	17,8										
грузины	15,0	20,0	25,9	24,0	25,8	24,0	32,8	25,7	24,2	38,9	28,9	92,0	29,5	158,2	39,1	239,9	45,7										
русские	-	-	-	-	-	-	-	5,2	4,9	1,2	0,9	60,2	19,3	86,7	21,4	74,9	14,3										
армяне	-	2,3	2,9	3,0	3,2	3,0	4,1	6,6	6,2	15,9	11,8	49,7	15,9	64,4	15,9	76,5	14,6										
греки	-	-	-	-	-	-	-	5,4	5,1	2,4	1,8	34,6	11,1	9,1	2,2	14,7	2,8										
украинцы	-	-	-	-	-	-	-	0,8	0,8			8,6	2,8	11,5	2,8	11,7	2,2										
прочие	-	-	-	-	-	-	-	3,8	3,5	3,2	2,4	10,6	3,4	13,6	2,9	14,1	2,6										

Анализ демографической статистики (см. Таблицу 1) показывает не просто изменение пропорций, а радикальную трансформацию этнокультурного ландшафта Абхазии. Резкое сокращение доли абхазов с преобладающего большинства (свыше 80 % в начале XIX в.) до статуса этнического меньшинства (менее 18 % к концу советского периода) [Кабузан 2012: 400]. На фоне

¹Abkhaz World // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://abkhazworld.com/aw/> (дата обращения – 16.11.2025).

² Социальные сети, принадлежащие компании Meta Platforms Inc., которая признана в России экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

³ Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX–XX вв. // Электронная библиотека ИРИ РАН // Электронный Ресурс. Режим Доступа: http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=167#_edn10 (дата обращения – 16.11.2025.)

целенаправленного заселения территорий другими группами (прежде всего грузинами-мегрелами) переживалось абхазами, как угроза культурной автохтонности. Этот опыт сформировал устойчивый нарратив уязвимости и страха культурной ассимиляции, прочно укорененный в коллективной памяти народа. Даже в периоды относительного внешнего благополучия (например, в позднесоветскую эпоху) ощущение демографической маргинализации и угрозы утраты ключевых маркеров идентичности – языка, системы родства, календарной обрядности, этического кодекса – оставалось значимым элементом абхазского самосознания. Это ощущение проявлялось не столько в открытых декларациях, сколько в укорененных практиках повседневного сопротивления и стратегиях культурного выживания, передаваемых из поколения в поколение. Потеснённый русским в официальном делопроизводстве, высшем образовании и публичном пространстве крупных городов, язык тем не менее оставался не просто средством бытового общения – в сёлах и в семейном кругу он сохранял свою полноту. Он превратился в сакральный маркер «свой-чужой», в инструмент сохранения интимного пространства культуры. Знание тонкостей абхазской речи, ее идиом и пословиц, было пропуском в круг подлинной общины. Молодежь, свободно говорившая по-русски, но с трудом изъяснявшаяся на родном языке, воспринималась старшим поколением с тревогой как потенциально «отпавшая» от корня.

Система родства – *абипара*, этот сложнейший каркас абхазского общества, основанный на принципах экзогамии, взаимопомощи и строгой субординации, также существовала в двух плоскостях [Бахиа 1986]. Формально советы старейшин не имели прежней юридической силы, но их негласный авторитет в решении локальных споров, организации взаимопомощи и, главное, в регулировании браков оставался непререкаемым. Например, недопустимость браков внутри рода вплоть до 7-го колена оставался непререкаемым в сельской местности и среди горожан, поддерживающих тесные связи с родным селом. Нарушение этих норм каралось не законом, но мощнейшим социальным остракизмом, страхом перед гневом предков и утратой родовой чести

Календарная обрядность, связанная с аграрным циклом и почитанием святилищ, также сохранялась в непубличной сфере или трансформировалась. Официальные советские праздники могли накладываться на традиционные, но их суть часто переосмысливалась. Ритуалы, посвященные божествам плодородия, урожая, защиты от стихий, проводились тайно, в кругу доверенных родственников, у семейных или родовых святилищ. Особую значимость сохранили поминальные обряды и культ предков. «Поминальные субботы», сопровождавшиеся строго регламентированными действиями, жертвоприношениями и коллективными трапезами, оставались мощнейшим механизмом сплочения рода и актуализации коллективной памяти, часто вопреки атеистической доктрине. Несмотря на агрессивный проект государственной секуляризации, народная религиозность не была искоренена, но перешла во внутренний, приватный план в повседневные культурные практики. Верования в духов-покровителей мест, дома и хозяйства сохраняли свою символическую эффективность, проявляясь в ритуалах подношения скромных даров и практиках обращения за покровительством. В социокультурных исследованиях отмечается, что когнитивные схемы, посредством

которых индивиды интерпретируют угрозу, продолжают включать в себя такие феномены, как вера в магическое воздействие, к примеру сглаз или порча, а также обширные комплексы ритуалов, предназначенных для защиты от предполагаемых опасностей [Douglas 2001]. Данные концептуальные модели и связанные с ними поведенческие стратегии функционируют как установленные способы осмысления и реакции на непредсказуемость окружающего мира [Luhmann 1979]. Распространенность данных практик подчеркивает их роль в формировании коллективного чувства безопасности и контроля в условиях неопределенности. Фигуры знахарей, традиционных целителей и носителей альтернативного традиционного знания: трав, заговоров, диагностики сглаза, сохраняли высокий социальный капитал и доверие сообщества, образуя неформальную сеть вопреки доминирующему дискурсу официальной медицины.

Советский период: миграционная динамика и латентные формы сохранения идентичности

В советский период миграционные процессы, инициированные махаджирством XIX в., не прекратились, но приобрели новые формы и смыслы. С одной стороны, имела место внешняя миграция: небольшие, но устойчивые волны выезда абхазов за пределы СССР, преимущественно к родственникам в Турцию и страны Ближнего Востока, что поддерживало транснациональные связи и воспроизводило диаспоральное сознание. С другой стороны, внутри Абхазии происходили интенсивные внутриреспубликанские и межрегиональные перемещения: урбанизация, индустриализация, политика целенаправленного заселения прибрежных районов выходцами из Закавказья и других регионов СССР. Как показано в Таблице 1, доля абхазов в населении республики сократилась с 55,3 % в 1897 г. до 17,8 % в 1989 г., что превратило титульный этнос в меньшинство на исторической родине.

Этот процесс, сопряженный с изменением этнической структуры городов и сельской местности, переживался абхазским обществом не как объективная статистика, а как продолжение травмы вынужденного исхода. Согласно концепции культурной травмы П. Штомпки, в условиях внешней стабильности и отсутствия открытого конфликта травма не исчезает, а переходит в латентные формы, проявляясь в стратегиях «тихого сопротивления» [Sztompka 2004]. Именно такой механизм сработал в абхазском случае: демографическое давление и угроза ассимиляции привели к интериоризации защиты этнокультурных маркеров в частную сферу.

В этом контексте ключевые элементы традиционной культуры – язык, система родства – *абипара* (абх.), этический кодекс *ансуара* (абх.) – превратились из бытовых практик в инструменты сохранения коллективной идентичности перед лицом миграционно-демографического вызова. Этический кодекс *ансуара* (абх.) – «абхазство» как свод правил поведения, чести, гостеприимства и уважения к старшим – стал последним бастионом идентичности [Айба 2013], превратившись из бытовой практики в символическую границу, позволявшую сохранять отличительность в полиэтничной среде городов и рабочих поселков. Утрата языка в публичной сфере (делопроизводство, образование) компенсировалась

его сакрализацией в семейном кругу, где он выступал маркером «своих». Родовая структура, формально лишённая юридической силы, сохраняла регулятивный потенциал в вопросах брачных стратегий, что было прямым ответом на опасность межэтнической ассимиляции.

Таким образом, советский период не был временем «замораживания» миграционной травмы, но характеризовался ее трансформацией в перманентную культурную мобилизацию. Миграционные процессы – как внешние (эмиграция), так и внутренние (урбанизация, инокультурное заселение) – создавали контекст, в котором поддержание идентичности требовало постоянных усилий, сосредоточенных в непубличных практиках. Этот латентный режим сопротивления, не порывая с советской институциональной рамкой, обеспечил преемственность этнокультурного ядра и подготовил почву для актуализации диаспоральной солидарности в постсоветский период.

Формирование глобальной диаспоры

Расселение черкесских сообществ по территории бывшей Османской империи (Турция, Сирия, Иордания, Израиль, США и страны Европейского союза), привело к возникновению транснациональных социальных полей. Однако самоидентификация зарубежных абхазов часто дистанцируется от термина «мухаджир» (воспринимаемого как навязанный и связанный с религиозной коннотацией, не всегда релевантной), подчеркивая вынужденный характер исхода и светские основания солидарности [ПМА № 3]. Точная численность диаспоры остается предметом споров, отчасти из-за исторических проблем учета (один паспорт на большие семьи, насчитывавших от 10 до 40 человек и более, которым выдавался один документ на всю семью, высокая смертность в пути, неточность этнической и религиозной атрибуции в имперских статистиках), но отчасти и из-за стратегий адаптации и ассимиляции в новых обществах [Ганич 2007: 7]. Тем не менее, сохранение этнической идентичности и связи с исторической родиной стало ключевой задачей диаспоральных сообществ, породив специфические институты и культурные практики поддержания *ансуара* (*абх.*) в иноэтническом окружении [Tölölyan 1996].

Отсюда вытекает, что миграционные процессы XIX–XXI вв. для абхазов – это не просто перемещение населения, а глубокий социокультурный разлом, породивший диаспоральный опыт, нарратив культурного сопротивления и перманентный поиск стратегий воспроизводства идентичности как на исторической родине, так и в рассеянии. Страх ассимиляции, сформированный демографическим коллапсом XIX в. и подпитываемый последующими потрясениями, остается мощным фактором, структурирующим коллективные представления и этнополитические устремления *ансуа* (*абх.*) – абхазов вплоть до настоящего времени [Hewitt 1998].

Сохранение культурной идентичности в диаспоре проявляется в разнообразных формах. От создания абхазских культурных центров и ассоциаций, ориентированных на поддержание языка, традиций и обычаев до развития транснациональных сетей родства и землячества, обеспечивающих социальную поддержку и экономическое сотрудничество между диаспорой и Абхазией [ПМА №

4]. Важную роль играет использование современных технологий, таких как интернет, в частности социальные сети, для поддержания коммуникации и распространения информации о культуре и истории Абхазии среди молодого поколения диаспоры. Одной из самых популярных социальных сетей среди всего зарубежного кавказского сообщества выступают запрещенные на территории России Facebook, Instagram. Визуальная репрезентация повседневности абхазских культурных центров транслируется и фиксируется практически ежедневно. Такие сообщества, как: Abkhaz World представлен в Vk и некоторых других социальных сетях (общая численность составляет порядка 21 000 подписчиков) и Всемирный абхазо-абазинский конгресс/ World Abaza Congress в Vk и некоторых других социальных сетях составляет 27 231 подписчиков [Айба 2024: 223].

Внутриполитическая ситуация в Абхазии также оказывает влияние на диаспоральные процессы. Стремление к признанию независимости и социально-экономическому развитию стимулирует диаспору к активному участию в политической и экономической жизни исторической родины, в том числе через лоббирование интересов Абхазии на международной арене и инвестиции в экономику [Corpieters, Sakwa (Eds.) 2003]. Однако политические разногласия внутри самой Абхазии могут приводить к фрагментации диаспоральных сообществ и ослаблять их консолидирующую роль.

Перспективы развития абхазской культуры в условиях глобализации и миграции связаны с поиском баланса между сохранением традиционных ценностей и адаптацией к новым социокультурным реалиям. Важным фактором является развитие системы образования, ориентированной на изучение абхазского языка и культуры как в Абхазии, так и в диаспоре. Поддержка культурных инициатив и проектов, направленных на популяризацию абхазской культуры в мире, также играет значительную роль в сохранении и укреплении этнической идентичности [Simonian, Cornell 2001].

Миграционные процессы, затронувшие абхазское общество, оставили глубокий след в его истории и культуре. Формирование глобальной диаспоры, с одной стороны, стало следствием вынужденного исхода и культурной травмы, а с другой, создало новые возможности для сохранения и развития абхазской идентичности в транснациональном контексте. Миграционные процессы XIX–XX вв. – махаджирство и последующие исходы периода грузино-абхазского конфликта – стали фактором формирования культурной травмы, закрепившейся в коллективной памяти абхазского общества. Формирование глобальной диаспоры – от Турции и стран Ближнего Востока до Европы и Северной Америки – предстает как сложный, амбивалентный феномен в этнокультурной динамике абхазов.

С одной стороны, диаспора является живым свидетельством вынужденного исхода и культурной травмы. Разрыв с родной землей, священными родовыми местами, естественной языковой средой и привычным кругом родства породил у поколений махаджиров и их потомков ощущение экзистенциальной утраты и ностальгии по утраченной целостности «Апсны» как сакральное пространство. В условиях иноэтничного окружения угроза ассимиляции была и остается: язык часто утрачивает функциональность, превращаясь в символ; сложная система родства и обрядности неизбежно редуцируется или адаптируется к местным

реалиям, рискуя утратить сакральный смысл; передача тонкостей *ансуара* (абх.) новым поколениям, родившимся вдали от исторической родины, представляла собой сложный и многоступенчатый процесс. Сохранение памяти о переселении и связи с исторической родиной стало стержнем диаспоральной идентичности, формируя специфический нарратив страдания и сопротивления забвению.

С другой стороны, именно этот вызов спровоцировал развитие культурного выживания и породил новые, транснациональные возможности для поддержания «абхазскости». Диаспора, вопреки рассеянию, превратилась в глобальную сеть солидарности и культурного воспроизводства:

– институционализация традиций: создание культурных центров, ассоциаций, воскресных школ для изучения языка и истории. Эти структуры взяли на себя функции, которые в Абхазии выполняли семья и община, становясь центрами концентрированной передачи идентичности;

– цифровое единство: интернет и социальные медиа стерли границы, позволив диаспоре участвовать в жизни Абхазии в реальном времени (онлайн-трансляции праздников, обсуждения событий, дистанционное обучение языку), создавая виртуальное пространство *Апсны* (абх.) [Айба 2024];

– экономическая и политическая поддержка: диаспора стала ключевым ресурсом для послевоенного восстановления Абхазии через репатриацию, инвестиции, лоббистскую деятельность и гуманитарные проекты. Это укрепило ее статус и связь с родиной;

– реконструкция и адаптация: диаспоральные сообщества, стремясь сохранить суть традиций, часто творчески адаптировали их к новым условиям (например, организуя абхазский новый год в абхазских культурных центрах Турции), демонстрируя гибкость культурного ядра [Айба 2023: 852];

– «возвращение» идентичности: для многих потомков махаджиров, особенно в Турции, активный поиск корней, изучение языка и связь с исторической родиной стали путем обретения утраченной идентичности, превращая «абхазскость» из смутной памяти предков в осознанный выбор.

Следовательно, абхазская диаспора – это не просто рассеянные носители культуры, а динамичный транснациональный организм, существующий в постоянном диалоге с исторической родиной. Она несет в себе культурную травму изгнания и страх окончательной утраты, но одновременно выступает как мощный агент сохранения, адаптации и даже глобальной презентации абхазской идентичности. Ее существование расширяет границы *Апсны* (абх.) до планетарного масштаба, создавая сложную, полицентричную модель абхазскости, где лояльность *ансуара* (абх.) и память о родине сплавливают разрозненные сообщества в единое, хотя и географически рассредоточенное, культурное целое. Устойчивость этого целого в условиях глобализации – самый убедительный аргумент против демографической маргинализации и за жизнеспособность абхазского культурного проекта.

В условиях диаспоры трансформация абхазской идентичности представляет собой комплексный процесс адаптации к изменяющимся социокультурным реалиям, одновременно с восстановлением связей с исторической родиной. Этот процесс скорее характеризуется не статичным сохранением архаичных форм

культуры, а их активным выбором, переосмыслением и адаптацией к требованиям глобализационных процессов [Robertson 2000]. Этномаркирующие концепции, такие как понятие чести, нравственность, и традиционное право, не подвергаются размыванию, а скорее операционализируются, становясь инструментами разграничения между «своими» и «чужими» в ситуации доминирования иной этнической группы [Barth 1998]. Соответственно, этническая идентичность проявляется и сохраняется в условиях диаспоры, определяя специфику поведенческих норм. Воспроизводство диаспоральной идентичности абхазов возможно интерпретировать в контексте гибридизации, как интеграцию исконных культурных моделей с превалирующими аксиологическими установками принимающих государств. Этот культурный синтез проявляется в разнообразных аспектах быденной жизни, включая гастрономические традиции и музыкальные представления, а также ритуалы, связанные с календарными праздниками, где, несмотря на сохранение ключевого символического содержания, происходит адаптация к имеющимся ресурсам и новым социальным условиям [Брубейкер 2012]. Примером может служить реконструкция праздника *Ажьырныхда*, который отмечают в Абхазии в честь наступления «абхазского Нового года» в ночь с 13 на 14 января в рамках диаспорального пространства, в частности в Стамбульском абхазском культурном центре с 2015 г. География празднования традиционного праздника каждый год увеличивается на территории Турции [Айба 2023: 852]. Адаптация, по мнению автора, является ключевым механизмом формирования гибридной идентичности [Bhabha 1994].

Исходя из этого, процесс трансформации идентичности в диаспоре является динамичным взаимодействием между сохранением культурного наследия и адаптацией к новой социокультурной среде. При этом, как отмечают исследователи [Geertz 2017], подобные адаптации не всегда приводят к полной ассимиляции, а скорее к формированию специфических гибридных форм культурного выражения. В рамках данного процесса ключевую роль играет инфраструктура цифровых коммуникаций, которая служит катализатором формирования транснационального виртуального социального пространства [Levitt, Glick-Schiller 2004]. Это пространство, в свою очередь, выполняет функцию замещения физического топоса *Апсны (абх.)*, обеспечивая бесперебойную передачу культурных кодов и поддержание чувства единства среди географически распределенного сообщества [Hewitt 1998].

Сложность иерархической структуры абхазского общества, регулируемой неписаным кодексом чести, также претерпела трансформацию, но не исчезла полностью. Принципы уважения к старшим, гостеприимства, взаимопомощи и кровной мести продолжали оказывать влияние на социальные отношения, хотя их проявления становились более опосредованными и контекстуальными. *Ансуара (абх.)*, функционировала как «культурная ДНК», передаваемая через механизмы социализации и инкультурации, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость базовых ценностей.

Заключение

В заключение следует отметить, что проведённый этнологический анализ позволил достичь поставленной цели и решить исследовательскую задачу:

изучить эволюцию абхазской идентичности сквозь призму постоянного миграционного опыта, определить ключевые факторы перехода от травмы вынужденного переселения к формированию глобальной диаспоры, способной сохранять этнокультурное наследие.

Исследование подтвердило ценность концепции культурной травмы Дж. Александера для осмысления абхазского феномена. Махаджирство XIX в. выступает не просто как демографическая потеря, а как цивилизационный сдвиг, событие-разрыв, которое, будучи осмысленным нарративно и передаваясь сквозь поколения, сформировало структуру коллективной памяти и стало основой диаспорального сознания. Именно эта травма определила долгосрочную динамику: ощущение уязвимости и страх ассимиляции на родине, усугубленные радикальной сменой этнокультурного баланса в Абхазии снижение численности абхазов до статуса меньшинства, сочетались с опытом выживания и адаптации в диаспоре.

В советский период в условиях демографической периферии и политики культурной унификации механизмы воспроизводства идентичности приобрели форму «скрытого сопротивления». Как показано в исследовании, основными каналами передачи «абхазскости» стали не институциональные структуры, а повседневные практики: язык как сакральный маркер, родовая общественная организация *абипара (абх.)*, смешанная в новых условиях календарная обрядность и, в первую очередь, этический кодекс *ансуара (абх.)*, функционировавший как «культурная ДНК». Эта интериоризация традиции в приватной сфере семьи и рода позволила сохранить ядро идентичности перед лицом внешних давлений.

Анализ генезиса и институционализации зарубежной диаспоры показал, что абхазские сообщества за пределами исторической родины прошли сложный путь от разрозненных групп, ориентированных на физическое выживание, до сформированных транснациональных сетей. Вопреки угрозам ассимиляции, диаспора не только сохранила память об их исходе, но и стала активным фактором культурного воспроизводства. Создание культурных центров, поддержание родственных связей и, на современном этапе, активное освоение цифрового пространства способствовали формированию «виртуальной *Апсны (абх. – пространства, где преодолевается географическая удаленность и поддерживается чувство общности с родиной.*

Наконец, изучение современных механизмов поддержания идентичности выявило переход к сетевым и гибридным стратегиям. Цифровые технологии и социальные медиа ускорили транснациональную солидарность, позволяя диаспоре участвовать в жизни Абхазии в реальном времени и адаптировать традиции как, например, при праздновании абхазского Нового года (*абх. – ажьырныҳәа*) к новым условиям. При этом процессы репатриации выявили внутренние противоречия, связанные с интеграцией потомков махаджиров, которые, возвращаясь на родину предков, могут восприниматься как «носители иной», гибридной идентичности.

Из этого следует, что абхазская диаспора предстает как развивающийся, полицентричный транснациональный конструкт. Она несет в себе глубокую культурную травму изгнания, но одновременно является мощным ресурсом

сохранения, адаптации и глобальной презентации *ансуара* (абх.). Устойчивость этого глобального образования, его способность к постоянному воспроизводству идентичности в условиях рассеяния и уязвимости на исторической родине является ключевым ответом на исторический вызов махаджирства. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на компаративном анализе кавказских диаспор, изучении гендерных аспектов миграции, антропологии цифровой идентичности и долгосрочном мониторинге процессов репатриации, что позволит глубже понять феномен выживания этноса через рассеяние в условиях глобализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айба 2013 – *Айба Т.Г.* Основные положения "Кодекса чести" у народов Северного и западного Кавказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2013. – № 4. – С. 167-174.

Айба 2023 – *Айба Т.Г.* Особенности проведения моления ажырныхэа в современной Абхазии и у турецких абхазов // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 842-855. – DOI: 10.32653/СН193842-855.

Айба 2024 – *Айба Т.Г.* Абхазские сообщества в киберпространстве // Культура Мира. – 2024. – Т. 12, № 43(8). – С. 219-228.

Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

Бахиа 1986 – *Бахиа С.И.* Абхазская «абипара» – патронимия: (Груз.-абхаз. этногр. параллели). – Тбилиси: Мецниереба, 1986. – 88 с.

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп [Текст] /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с. – (Социальная теория).

Ганич 2007 – *Ганич А.А.* Черкесы в Иордании. – Москва: ИСАА МГУ, 2007. – 120 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 243 с.

Hewitt 1998 – *Hewitt G.* The Abkhazians: A Handbook. – Richmond: Curzon Press, 1998. – 288 p.

Кабузан 2012 – *Кабузан В.М.* Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX–XX вв. // Труды Института российской истории. Вып. 10. – Москва: ИРИ РАН, 2012. – С. 397-410.

ПМА № 1 – 2021 г. – Республика Абхазия, г. Гагра.

ПМА № 2 – 2022 г. – Республика Абхазия, г. Гагра.

ПМА № 3 – 2023 г. – Республика Абхазия, г. Сухум.

ПМА № 4 – 2019 г. – Турция, г. Стамбул.

Розанова 2013 – *Розанова М.С.* Диаспоры как акторы мирового политического процесса (на примере черкесской диаспоры США) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 189–204.

Alexander 2004 – *Alexander, J.* Toward a Theory of Cultural Trauma. In: Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N.J. and Sztompka, P., Eds., Cultural Trauma and Collective Identity, University of California Press, Berkeley, 1-30. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0001> (In English).

Ayba 2025 – *Ayba T.G.* Abkhaz and Abazin Communities in Cyberspace// Changing Societies & Personalities. – 2025. – Vol. 9, No. 1. – P. 84-100. – DOI: 10.15826/csp.2025.9.1.319. (In English).

Bhabha 1994 – *Bhabha H.K.* (1994). The Location of Culture (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203820551> (In English).

Barth 1998 – *Barth F.* Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. – 1998: Waveland Press. – 153 p. (In English).

Coppieters, Sakwa (Eds.) 2003 – Coppieters B., Sakwa R. (Eds.) 2003. Contextualizing Secession: Normative Studies in Comparative Perspective. – Oxford University Press. – 286 p. (In English). (In English).

Douglas 2001 – *Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and – Taboo. 2001. Simultaneously published in the USA and Canada by Routledge. – 193 p. (In English).

Eyerman 2004 – *Eyerman R.* Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. – P. 60–111. (In English).

Geertz 2017 – *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. – USA: 2017. Basic Books. – 470 p. (In English).

Giesen 2004 – *Giesen B.* The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. – P. 112–154. (In English).

Levitt, Glick-Schiller 2004 – *Levitt P., Glick Schiller N.* Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *International Migration Review*, – 2004. 38(3), 1002-1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x> (In English).

Luhmann 1979 – *Luhmann N.* Trust and Power. – 1979: Chichester: John Wiley & Sons. – 208 p. (In English).

Robertson 2000 – Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. SAGE Publications Ltd, 2000. – 224 p. <https://doi.org/10.4135/9781446280447> (In English).

Simonian, Svante, Cornell 2001 – *Simonian H. Svante E. Cornell.* Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. Richmond, England: Curzon Press, 2001, 480 pp. + maps, illustrations, notes, bibliography, index. *Nationalities Papers*. 2002;30(4):703-705. doi:10.1017/S0090599200009144 (In English).

Smelser 2004 – Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. – P. 31–59. (In English).

Sztompka 2004 – Sztompka P. The Trauma of Social Change: A Case of Postcommunist Societies // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 155–195. (In English).

Tölölyan K. 1996 – *Tölölyan K.* Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. – 1996. – Vol. 5, No. 1. – P. 3-36. (In English).

Vertovec 2001 – *Vertovec S.* Transnationalism and Identity // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001a. Vol. 27. (In English).

REFERENCES

AIBA T.G. *Osnovnye polozheniia "Kodeksa chesti" u narodov Severnogo i Zapadnogo Kavkaza* [Basic Provisions of the "Code of Honor" Among the Peoples of the North and Western Caucasus]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia* [Bulletin of Saint Petersburg University. History]. – 2013. – № 4. – P. 167-174. (In Russ.).

AIBA T.G. *Osobennosti provedeniia moleniia azhyrynykha v sovremennoi Abkhazii i u turetskikh abkhazov* [Features of the Azhyrynykha Ritual in Modern Abkhazia and Among Turkish Abkhazians]. IN: *Istoriiia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus]. – 2023. – T. 19. – № 3. – P. 842-855. – DOI 10.32653/CH193842-855. (In Russ.).

AIBA T.G. *Abkhazskie soobshchestva v kiberprostranstve* [Abkhazian Communities in Cyberspace]. IN: *Kul'tura Mira* [Culture of Peace]. – 2024. – T. 12. – № 43(8). – P. 219-228. (In Russ.).

ALEXANDER J. Toward a Theory of Cultural Trauma. In: Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N.J. and Sztompka, P., Eds., *Cultural Trauma and Collective Identity*, University of California Press, Berkeley, 1-30.

BAKHIA S.I. Abkhazskaia "abipara" – patronimiia: (Gruz.-abkhaz. etnogr. Paralleli) [Abkhazian "Abipara" - Patronymy: (Georgian-Abkhaz Ethnographic Parallels)]. – Tbilisi: Metsniereba, 1986. – 120 p. (In Russ.).

BARTH F. *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Waveland Press, 1998. – 153 p. (In English)

BHABHA H.K. *The Location of Culture*. – 2nd ed. – London; New York: Routledge, 1994. – 285 p. (In English)

BRUBAKER R. *Etnichnost' bez grupp [Ethnicity Without Groups]* / Translated from English by I. Borisova. – Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. – 408 p. (In Russ.).

COPPIETERS B., SAKWA R. (Eds.) *Contextualizing Secession: Normative Studies in Comparative Perspective*. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 286 p. (In English)

CORNELL S.E. *Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus*. – Richmond: Curzon Press, 2001. – 480 p. (In English)

DZIDZARIIA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletia [Muhajirstvo and Problems of the History of Abkhazia in the 19th Century]*. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 243 p. (In Russ.).

DOUGLAS M. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. 2001. Simultaneously published in the USA and Canada by Routledge. 2001. – 193 p. (In English)

EYERMAN R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity* // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. P. 60–111. (In English)

GANICH A.A. *Cherkesy v Iordanii [Circassians in Jordan]*. – Moscow: Institut stran Azii i Afriki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. – 120 p. (In Russ.).

GEERTZ C. *The Interpretation of Cultures*. – USA: 2017. Basic Books, 2017– 470 p. (In English)

GIESEN B. *The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity* // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. P. 112–154. (In English)

HEWITT B.G. *The Abkhazians: A Handbook*. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 288 p. (In English)

KABUZAN V.M. *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniia Abkhazii i Kosovo v XIX–XX vv. [Dynamics of the Ethnic Composition of the Population of Abkhazia and Kosovo in the 19th-20th Centuries]*. IN: *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RA [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]*. – Issue 10. – Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2012. – P. 397-410. (In Russ.).

LUHMANN N. *Trust and Power*. Chichester: John Wiley & Sons. 1979. – 208 p. (In English)

LEVITT P., GLICK SCHILLER N. *Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society*. IN: *International Migration Review*. – 2004. – Vol. 38. – No. 3. – P. 1002-1039. – DOI 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x (In English)

ROBERTSON R. *Globalization: Social theory and global culture*. SAGE Publications Ltd, 2000. – 224 p. <https://doi.org/10.4135/9781446280447>

ROZANOVA M.S. *Diaspory kak aktory mirovogo politicheskogo protsessa (na primere cherkesskoi diaspory SShA) [Diasporas as Actors of the World Political Process (on the Example of the Circassian Diaspora in the USA)]*. IN: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. – 2013. – T. 16. – № 2. – P. 189-204. (In Russ.).

SMELSER N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. P. 31–59. (In English)

SZTOMPKA P. The Trauma of Soci-al Change: A Case of Postcommunist Societies // Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 155–195. (In English)

TÖLÖLYAN K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment. IN: Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 1996. – Vol. 5. – No. 1. – P. 3-36. (In English)

VERTOVEC S. Transnationalism and Identity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001a. Vol. 27. (In English)

Информация об авторе

Т.Г. Айба – младший научный сотрудник.

Information about the author

T.G. Ayba – junior research assistant.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.